УДК 811.161. 82.081
DOI 10.17516/2311-3499-051

«ТАЕЖНЫЙ ЗАКОН» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.П. АСТАФЬЕВА: СЕМАНТИКА ПОНЯТИЯ НАРОДНОЙ ЭКОЛОГИИ

Л.Г. Самотик

Статья относит «таёжный закон» в произведениях В.П. Астафьева к «народной экологии». Он показан писателем как реально существующий, веками сложившийся нравственный экологический кодекс русского населения Сибири. Закон включает в себя отношение человека к человеку в условиях таёжного существования и отношение человека к флоре и фауне. В работе показано, вопреки сложившемуся мнению, что в текстах В.П. Астафьева представлена как критическая сторона экологии (экокритика), так и позитивная. Работа выполнена в русле идей когнитивной лингвистики, учитывающей обусловленность художественного текста авторской языковой картиной мира, в произведениях писателей-деревенщиков она связана с региональным компонентом. В статье фиксируется внимание на особенности понятия, функционирующего как знак – форматор (У. Вайнрайх). В работе приведены 10 составляющих форматора, обозначенных в текстах писателя. Как лексическая единица «закон тайги» относится к экологической лексике (экословам). Это «неписанный» закон, он существует в устной форме, поэтому имеет общие черты с фольклоризмами. А как аксиологическое понятие «таёжный закон» («закон тайги») опирается на оценку, несущую ряд прямых и скрытых запретов (проявление народной культуры). «Таёжный закон» выступает в текстах В.П. Астафьева, с одной стороны, как организующее начало повседневной жизни сибиряков, с другой – как причина конфликтов. В ряде произведений он выступает в сюжетообразующей функции. «Закон тайги» – важная составляющая сибирского текста. Результаты исследования существенны для теории экологической прозы, вносят новый элемент в филологическое астафьеведение.

Ключевые слова и фразы: Сибирь; астафьеведение; региональный компонент; таёжный закон; ключевые слова текста; сюжетообразующая лексика; экологическая проза; народная экология; экологическая этика; лексические средства создания напряжённости текста; сибирский текст.

"TAIGA LAW," IN THE WORKS OF V. P. ASTAFIEV: THE SEMANTICS OF THE CONCEPT OF FOLK ECOLOGY

L.G. Samotik

The article is devoted to the "taiga law" in the works of V. p. Astafiev, which is shown by the writer as a real concept existing in Siberia. The "taiga law" is noted in the literature and attracted the attention of literary critics, but the researchers did not turn to him, analyzing the work of the writer. In the ecological prose of V. P. Astafiev the significant place (and in some texts central one) to the code of the people's ecology, centuries-old and passed from generation to generation, as well as to the environmental symbol of the Siberian culture. The law includes the relation of man to man in the taiga existence and the relation of man to flora and fauna. Contrary to popular belief it is shown that the texts of V.P. Astafiev presented as a critical aspect of ecology (ecocriticism) and positive. The work is done in line with the ideas of cognitive linguistics, taking into account the conditionality of the literary text of the author's linguistic picture of the world, in the works of writers-villagers it is associated with a regional component. "Taiga law" is a regional mental concept that is waiting to be considered within the definition of "Siberian text". How the lexical unit "the law of the taiga" refers to the environmental vocabulary (Koslova). The article focuses on the features of the concept functioning as a sign- formator (W. Weinreich). In the article, the 10 components of the transformer are identified in the texts of the writer. This "unwritten" law, it exists in

oral form, so has traits in common with folkloric elements: the writer, the nomination is presented in two variants (the "law of the taiga" and "strong law") is uncertain semantic scope, emotionally expressive painted. The spatial component of "taiga" is important in the nomination structure. This is an axiological concept based on evaluation, carrying a number of direct and hidden prohibitions. "Taiga law" appears in the texts of V. p. Astafiev, on the one hand, as organizing the beginning of the daily life of Siberians, on the other, as the cause of conflicts. In fiction texts creates tensions of the text, organizing the conflict both interpersonal and social. In some texts, the "taiga law" performs a plot-forming function. The results of the study essential for the theory of environmental prose, add a new element in the philological studies of Astafiev's legacy.

Keyword and phrases: *Siberia; Astafiev studies; regional component; Nicholas law; key words text; plot-vocabulary; environmental prose; national ecology; environmental ethics; lexical means of establishing the tension of the text; Siberian text.*

В 2019 году В.П. Астафьеву исполнилось бы 95 лет, но творчество его по-прежнему актуально в русской культуре. «Основные темы творчества Астафьева – Великая Отечественная война, жизнь сибирской деревни, человек и природа» [Шленская 1982: 51]. Природу он особо выделяет: «На эту вот болезненную тему я начал писать, по существу, сразу, как попала мне под хвост литературная вожжа, не оставляю сию тему и поныне, хотя понял всю тщетность посредством слова образумить людей и остановить разорение земли» [Астафьев 1997в: 12].

Слово *экология* имеет в русском литературном языке три значения: 1. Наука об отношениях растительных и животных организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой. 2. Экологическая система. 3. Природа и вообще среда обитания всего живого (обычно о плохом их состоянии) [СТСРЯ 2004]. В настоящее время чаще всего под экологическими вопросами понимаются вопросы охраны окружающей среды. Во многом такое смещение смысла произошло благодаря все более ощутимым последствиям влияния человека на природу. Специалисты по экологической лексике предлагают несколько иное определение: «Экология – это общественно значимая научная область, занимающаяся вопросами охраны и рационального использования природы, которая получила номинацию ЭКОЛОГИЯ и объединила в зонтичном аспекте ряд наук. Таким образом, возникло лексико-семантическое поле ЭКОЛОГИЯ на базе детерминологизации и переосмысления терминологии ряда наук и направлений и придания общественного статуса основным решаемым этими науками проблемам» [Чвягина 2017: 71].

Экологические проблемы рассматриваются разными науками, в том числе гуманитарными: философией, социологией, политологией, психологией, теологией, культурологией, экологической лингвистикой (лингвоэкологией, эколлингвистикой) и др. Одним из объектов лингвистической экологии является экологическая лексика (экологическая лексика во французской публицистике [Колошьян 2007]; экологическая лексика в татарском литературном языке [Галиева 2005] и т. д.). Рассматривалась экологическая лексика и в художественных текстах, например, на материале башкирской литературы [Абдуллина, Нурушева 2015: 310–311]. Констатируется, что писатели и поэты в своих произведениях не только призывают человечество к защите окружающей среды, но и используют многочисленное разнообразие «экослов». К экологической лексике можно отнести и «таежный закон».

Экологическая тема широко представлена в русской художественной литературе. Природа является изначально предметом поэзии и прозы, пейзаж – неотъемлемая их часть. Тревога о судьбе русских лесов раздаётся в монологах доктора Астрова в пьесе «Дядя Ваня» А.П. Чехова; Иван Матвеевич Вихров, герой романа Л. Леонова «Русский лес» (1957 г.), борется за их сохранение (В.П. Астафьев Леониду Леонову посвящает свою повесть «Стародуб») и т. д. Однако экологическая проза как самостоятельное направление формируется в России в 70–80 годы XX столетия. Причины его появления можно разделить на внешние и внутренние. Как нам представляется, связано это не только с обострением экологического положения в стране, но и, с

одной стороны, с развитием этого направления в гуманитарной культуре Запада, с другой, с дефицитом конфликтов в советской литературе.

Особенную остроту проблемы экологии приобретают в сибирской литературе. В начале этого направления стоял В.П. Астафьев, а 1976 г. выходит повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матерой»; в этом же году появляется повествование в рассказах В.П. Астафьева «Царь-рыба». Причем реализуется эта тема в разных аспектах.

В 1966 г. Д.А. Гранин пишет роман «Иду на грозу» – произведение, где показан энтузиазм ученых в овладении тайнами природы. Вопрос о последствиях ещё не ставится. В 1993 г. С.П. Залыгин публикует «Экологический роман», где также рассматривает проблему с позиций интеллигенции, среды ученых: его герой – Николай Петрович Голубев – ученый-гидролог. Роман проникнут сильным скептицизмом по отношению к человеку, к бездумной погоне за фетишами технического прогресса.

Технический прогресс и природа... Сначала идет развенчание политики строительства ГЭС. Это Нижнеобская у Залыгина, Братская у Распутина, есть и Красноярская у Астафьева: *Нет и никогда уже не будет покоя реке. Сам не знающий покоя, человек с осатанелым упорством стремится подчинить, заарканить природу. Да природу-то не переиграть* (Астафьев 1986: 234); *Мы обмылись водою – купаться нельзя – величайшая в мире ГЭС держит такую толщу воды, что она не прогревается, температура ее почти постоянная зимой и летом. Чалдоны невесело шутят: если охота купаться, валяй в Заполярье!... Порог регулирует реку... регулировал, по правде сказать., по правде сказать. Теперь Гэса всем правит...* (Астафьев 1986: 233–234); *Век рыбачили, век рыбы хватало! Ныне губят ворохами, собирают крохами* (Астафьев 1986: 84); *Как решить эту проблему, какой выбрать путь? Кто же будет спорить против нужности, против пользы для каждого из нас миллионов, миллиардов киловатт? Никто, конечно! Но когда же мы научимся не только брать, брать – миллионы, тонны, кубометры, киловатты, – но и отдавать, когда мы научимся обихаживать свой дом, как добрые хозяева?* (Астафьев 1986: 235). «Царь-рыба» кончается удивительными словами: *«Нет мне ответа»* (Астафьев 1986: 361).

Писатели-деревенщики рассматривают проблему не с научной точки зрения, а из глубинки, из тех мест, где она непосредственно связана с жизнью людей. Они внесли в проблему своё видение: вопросы сохранения природы **связали с сохранением традиций, с историческим опытом поколений**. Именно так рассматривали экологию В.П. Астафьев, В.Г. Распутин и др.

М. Перкиёмяки [Перкиёмяки 2015] приводит четыре признака «экологического текста» Лоуренса Бьюэлла [Buell 1995] в собственном переводе. Это: 1. «Внечеловеческая» среда не только обрамляет события, а напоминает читателю о соединении человеческой и природной истории. 2. Человеческий интерес не понимается как единственно справедливый интерес. 3. Человек ответственен за природу. 4. Природа понимается как процесс. По мнению Перкиёмяки, **произведения В.П. Астафьева им соответствуют, т.е. относятся к экологической прозе**.

В творчестве В.П. Астафьева к основным экологическим проблемам, очевидно, можно отнести следующие:

- 1) сохранение биосферы Земли;
- 2) технический прогресс как обязательная составляющая цивилизации и природа;
- 3) соотношение человечества, количество которого на Земле, как известно, растет в геометрической прогрессии, и флоры и фауны, которые в качественной составляющей уменьшаются, а в количественной их рост значительно отстает;
- 4) взаимоотношения человека и природы (именно так ставил вопрос писатель, а не отношение человека к природе);
- 5) зависимость нравственного облика человека от его отношения к природе;
- 6) вековые традиции жизни русского населения в Сибири и экологические государственные запреты и т.д.

В первый период творчества – пермский (1959–1968 гг.) – в текстах В.П. Астафьева всё начинается с любви к природе [Все произведения... 2018]. Это вписывалось в общее направление

литературного творчества писателей Урала, но большая часть его произведений посвящена Сибири. Писатель с благодарностью вспоминает Б.Н. Назаровского – главного редактора Пермского книжного издательства, который посоветовал начинающему литератору «не насиловать свой дар, не приспособлять его к “неродной стороне”, а петь свою родимую Сибирь и сибиряков» [Астафьев 1997в: 40]. Глобальные вопросы ставятся и частично решаются В.П. Астафьевым преимущественно во второй период творчества – вологодский (1969–1980 гг.). Хотя «похоже, найден и самый первый случай обращения В.П. Астафьева (в составе коллектива) к общественности в защиту природы. Это: “Объявим борьбу против браконьеров” (“Чусовской рабочий”. 1955. 10 апр.)» [Чусовой литературный 2013: 35].

Е.В. Петушкова, проанализировав публицистические произведения С. Залыгина. В. Астафьева и В. Распутина, посвящённые проблеме взаимодействия человека и природы, отмечает как общее в их взглядах, так и индивидуальное в подходе к проблеме: «Особого внимания заслуживает тот факт, что в русской экологической публицистике второй половины XX века проблема взаимоотношений с природой предстаёт, прежде всего, как проблема человека. Философское осмысление природы обнаруживает прямую связь с пониманием социальной и духовной сущности человеческой личности, с совокупностью её представлений об окружающем мире» [Петушков 2004: 52].

Концепция природы С. Залыгина, по мнению Е.В. Петушковой, продолжает развитие естественнонаучных идей русского космизма. Писатель предлагает целую государственную программу, практическое руководство для достижения «царства разума», ноосферы.

«Философия природы В. Распутина опирается на созерцательное, чувственное отношение к прекрасному природному миру как способ постижения первоначального бытия, как возможность приобщения к абсолютному знанию о сущем» [Петушков 2004: 84]. Внимание писателя сосредоточено на самосознании личности, находящейся в ситуации слома, который является следствием сдвигов в обществе, нарушивших привычный уклад жизни, обеспечивающий родовую цепь преемственности поколений. Эта преемственность обуславливает включённость человека в общеприродную, космическую жизнь. Исследователь также отмечает зависимость философии природы В. Распутина от мифологии.

В центр же взглядов В.П. Астафьева Е.В. Петушкова ставит религиозное понимание человека и самой природы: природа является самым главным «доказательством» присутствия в мире божественного начала. Разрыв с ней приводит людей к потере нравственных ориентиров, утрате универсальных законов существования. В.П. Астафьев связывает экологические проблемы с противоречиями, заложенными в русском национальном характере. Это рождает эсхатологические предчувствия. В отличие от научной основы Залыгина, Астафьев опирается на личные переживания.

Теме «Природа в творчестве В.П. Астафьева» посвящено значительное количество работ. Они повествуют о пейзажах в произведениях писателя, его любви к природе и т. п. [Котова 2001; Шлома 2011; Иванова 2012; Черников 2013; Шихова, Данилова 2014] и др.; о человеке и природе [Липин 1985; Новожеева 2001; Гончаров 2003; Каминский 2010; Булдакова 2011; Ефимова 2017; Щербакова 2018]; об экологии [Бальбуров 1985; Петушкова 2004; Федоров 2017]; её философским вопросам [Лапченко 1984; Кузина 1994]; психологическим [Ануфриев 1983]; экологической этике [Лю Цин 2013] и др.

Однако исследователи не останавливались на «Таёжном законе». «Таёжный закон» рассматривался на материале текстов других сибирских писателей: И. Гольдберга (1884–1938) [Юрьева 2007: 171–177], Н.А. Байкова (1872–1958) и П.В. Шкуркина (1868–1943) [Забияко 2016: 21–57] и др.

Таким образом, **данную тему можно считать актуальной.**

«Таёжный закон» важен в экологической системе В.П. Астафьева. Писателя раздражало пренебрежительное отношение к коренным сибирякам. Самыми «чужими» для него были «наезжие» [Самотик 2015: 239–245], «туристы» [Башкова 2014]. Поводом для создания

«Последнего поклона», по его словам, послужили наблюдения за строителями Красноярской ГЭС близ Овсянки. Люди приехали осваивать Сибирь, «учить жить чалдонов». *Не обнаружив бородатых мужиков, обутых в чуни, в звериные шкуры, в медвежьи шубы, жрущих сырое мясо и живую рыбу (хотя есть любители и того, и другого на Севере, да и в Москве они есть), шумные строители сразу утратили к сибирякам интерес, игнорировали их как в жизни, так и в своих художественных творениях. Более того, не приложив труда заглянуть поглубже в душу сибиряка, по внешней грубой его оболочке составили мнение о нём и враждебное к нему отношение выявили. Впрочем, часто оно бывало обоюдным... Словом, думал я думал, и вышло, что мне надо рассказать о своих земляках* (Астафьев 1997б: 378–379).

Задачей настоящей работы является введение в астафьеведение понятия «таёжный закон» и определение его места в экологической системе автора, а также отнесение данного сочетания к так называемым экословам и выявление его семантического объёма. Работа выполнена в границах **описательного метода с приёмом контекстного анализа**.

Научная экология – система, привносимая извне. В Сибири были свои правила не просто «природопользования». Они выражались в «Таёжном законе» – местном региональном экологическом уставе с конкретно понимаемыми требованиями экологической этики.

Писатели-деревенщики привязаны к региону. Это с необходимостью выражается в региональном компоненте их текстов, прежде всего, в региональной ментальности [Творчество В.П. Астафьева... 2016]. В.П. Астафьев, например, по-своему определяет, кто такой браконьер – его критерии отличаются от официального законодательства [Самотик 2017б: 201–207]). Региональный менталитет проявляется и в том, что взаимоотношения человека и природы определяется веками сложившимся в среде русских Сибири неписаным «законом тайги».

«Закон тайги» («таёжный закон») впервые упоминается в тестах И.Г. Гольдберга («Закон тайги» – так озаглавлен его рассказ и сборник рассказов [Гольдберг 1923]). Затем встречается, по данным Национального корпуса русского языка, у советских писателей (основной корпус): Г.М. Маркова: [Марков 1936]: *Хотя землянки находились одна от другой на сравнительно большом расстоянии, вряд ли посторонний рискнул бы селиться между ними: по неписаному таежному закону это не полагалось*; И.Л. Солоневича: *Стёпка был человеком вообще весьма свободолюбивым и предпочитал не иметь над собою никакого закона, кроме закона тайги* [Солоневич 1953]; в устной речи (устный корпус) по сценарию кинофильма «Хозяин тайги» Рябой (Владимир Высоцкий) говорит: *Люди / Нюра / делятся на две категории / которые властвуют / а которые подчиняются. Закон тайги / он в людях сидит. Только в наше время его както...ну замаскировали / что ли* [Назаров, Можаяев 1968].

У Виктора Петровича «закон тайги» – реальное явление, понятие совершенно конкретное.

1. Идешь в тайгу – бери с собой хлеб (сухари), соль и спички: *«На вот краюшку. Не задавит она тебя. Спокон веку так заведено, мал еще таежные законы переиначивать».* Тут уж с матерью не поспоришь. Таков старинный порядок: идешь в лес – бери еду, бери спички (Астафьев 1997а: 130). Никон (Амос) перед уходом в тайгу распоряжается, чтобы жена дала ему в дорогу соль, котелок и сухари. *Клавдия догнала охотника возле ворот, сдернув кожаную сумку с его плеч: «Куда без сухарей-то?»* (Астафьев 1960: 68). (В некоторых случаях ссылки приводятся на разные издания в связи с тем, что разнятся тексты).

2. В охотничьей избушке необходимо все оставить для человека, который, возможно, набредет на нее: *Еще действовал древний, никем не писанный закон Сибири: «Беглого и бродяжеского человека не пытаться, а питать»* (Астафьев 1960: 68). Аким ожидал... как заросший человек спустится от избушки... и выдаст, что приболудились они (туристы) с дружками, съели в избушке все, кроме бревен... (Астафьев 1997е: 317).

3. Заблудившегося человека надо немедленно искать: *«Утонул, заблудился, ушел ли неведомый тот Гога, а искать его изволь – таков закон тайги, искать в надежде, что человек не пропал, ждет выручку, нуждается в помощи»* (Астафьев 1997г: 322). *За то, что он таежный закон нарушил, – казните, но в лесу бросать человека закон не позволяет* (Астафьев 1960: 67).

Заблудиться в тайге смертельно опасно. Особенно часто блуждают дети. В.П. Астафьев вспоминает в связи с рассказом «Васюткино озеро»: *В тайге самому спастись, да ещё будучи мальчишкой, – невозможно, только Господь Бог может тут спасти, что он, Милосердный, не раз и делал в моей жизни* (Астафьев 1997а: 21).

4. Если заблудился, то не отходи далеко от места, где потерял направление: *Как же ты сплеховал? Раз уж такое дело, не надо было метаться. Нашли бы тебя скоро* (Астафьев 1997а: 148).

5. Если заблудился – осмотришься. В тайге охотники оставляют меты, затеси; по пути **сделай свои:** *«Ты от затесей далеко не отходи – сгинешь», – наказывает Васютке мать ... Весело насвистывая, шел он по тайге; следил за пометками на деревьях и думал о том, что, наверное, всякая таежная дорога начинается с затесей* (Астафьев 1997а: 130). Далеко за полдень неожиданно увидел сломленную рябинку. Прошел было мимо, но какая-то догадка шевельнулась в голове, и он вернулся, обследовал деревце. Вершинка его указывала в верховья речки. Прошел саженой двести, опять сломленное деревце, и опять рябинка... Рябинка – деревце хрупкое, самое подходящее для того, чтобы сломить на ходу (Астафьев 1960: 46).

6. Брать можно от природы столько, сколько нужно для жизни (пропитания). Нельзя на охоте бить живность ради наживы или ради баловства: *Собираясь на стройку, парни думали, что здесь, в глухом краю бродят табуны всякого зверья, и первое, что сделали, накупили ружей и фотоаппаратов... Звери здесь в открытую не бродят. Они где-то в горах, за увалами. Потому и палят новоселы в порожние бутылки, консервные банки и в пичуг, какие осмелятся нос высунуть* (Астафьев 1960: 6). Отправляясь в тайгу за прикормленной Култышом маралухой с маралёнком, Никон-Амос рассуждает о том, как в голодный год за мясо закабалит деревню: *Капуста еще с прошлого года осталась. Свежая картошка вот-вот появится, она уже с воробьиное яйцо – Никон смотрел. Ботву свеклы, брюквы и листики капусты Клавдия уже во щи крошит. Нет, не умрет Никон с голоду. И детишки не умрут... Есть у Никона потайная думка – свою мельницу поставить. Ух, тогда держись!* (Астафьев 1960: 56). А мы с Юркой утром глухаря кокнули. Так, просто – увидели красивую птицу и... (Астафьев 1960: 65). Особую неприязнь у автора вызывает браконьер Грохотало: *Он всё же обучился ловить рыбу, которую сам не ел, продавал всю до хвостика* (Астафьев 1986: 103), но его восхищает способность «сельдюков» («жителей нижнего Енисея») съесть большое количество рыбы: *Сколько могут съесть рыбы эти мужички – сельдюки величиной с подростков, вскоре стали мы очевидцами* (Астафьев 1986: 44).

7. Нельзя убивать маток, несущих потомство или заботящихся о нем, детёнышей: *Соболюшку загубил! Она только осенью выкунет, а сейчас у ней соболята. Осиротил, на мор обрек... Ты враг природе, и охотника из тебя не может получиться!* (Астафьев 1960: 21). Диалог Култыша и Амоса: *Весь способный зверь перекочевал... кое-где коровы с телятами остались. – Дак чего же ты корову-то (маралуху) не завалил? – Говорю, телок у нее — подрастет пусть, на жительство определится* (Астафьев 1960: 67).

В «Стародубе» трогательно используются слова с уменьшительным суффиксом: *Ах ты, таймененок!*: так называл Фаефан маленького Култыша (Астафьев 1960: 14). *Киргиз... в потемках снова пробирался к могиле киргизенка* (Астафьев 1960: 68). *Мать еще не теряла надежды отыскать, дозваться мараленка* (Астафьев 1960: 27). *Кедренок оказался живуч и настырен: растолкал чистотел, татарник, лебеду и пошел в рост, вытягивая веточками нитки цветущего вьюнка* (Астафьев 1960: 76). Писатель подчеркивает единство всего живого на земле, и защита требуется прежде всего малышам.

8. Нельзя воровать у охотников: Неписанный таежный закон оберегал охотников от воров. *Закон был жесток и неумолим, как сама жизнь охотников* (Астафьев 1997е: 170). Мужу (Никону), собирающемуся в тайгу охотиться на чужие солонцы (это воровство), Клавдия говорит: *Ты куда? Не смей! Таежный закон забыл?* (Астафьев 1960: 41).

9. Нарушение закона тайги наказуемо: *Никон таежный закон нарушил, а меня Клавдия виноватит* (Астафьев 1960: 72). *Я не посылал его в тайгу грезить!* (Сноска: «делать что-то

нехорошее')... *Иуда он!.. За это, знаешь, что бывает? Самосуд! Вот что за это бывает!* (Астафьев 1960: 66). *За то, что он таежный закон нарушил, – казните, но в лесу бросать человека закон не позволяет* (Астафьев 1960: 67). *Сделав незаконное дело, Никон, как и всякий пакостник, охальничал словами, забивая остатки страха и совести, убеждая себя в том, что он, а не кто другой прав* (Астафьев 1960: 55).

Нарушение закона карается не только людьми, но и природой. Последнее ярко представлено в текстах В.П. Астафьева.

Автором показано несколько моментов смертельной схватки в «Царь-рыбе»: с рыбой борются Игнатий и Грохотало, с медведем и «руссагой» (росомахой) Аким и т. д., и везде при этом победителем остается человек. Но нарушающего «таежный закон» настигнет возмездие. Гибнут в тайге Герцев («Царь-рыба»), Никон-Амос («Стародуб»). Три злостных браконьера («Царь-рыба») в один день уходят на рыбалку (действие в одном месте и в одно время, как в греческой трагедии: *В поселке Чуш в тот вечер вообще было неспокойно – плачь, визг, бегал с ружьем по улицам Командор, отыскивая погубителя дочери; На другом конце селения крушил домашний скарб Грохотало, на Енисее тонули какие-то байдарочники. Кого вязать? Кого спасать?* (Астафьев 1997д: 170) (см.: [Целиков 1988: 48–49]), двое из них борются с большим осетром: Игнатий – с царь-рыбой, Грохотало – с «дядьком» [Самотик 2017а].

Командору сказочно везет, у него большой улов, да еще и от рыбинспектора ушел. Но к нему на самоллов цепляется утопленник, «малый». Командор знает «закон реки»: его нужно похоронить. Но не делает этого, отправляет усопшего дальше «за могилой и крестом». Все трое наказаны. Наказан страхом и прозрением Игнатий, страшно наказан Командор гибелью дочери, Грохотало постигло самое тяжелое для него наказание – потеря *грошей* (потеря сказочного улова и штраф за браконьерство): *Кроме сала и себя, Грохотало признавал еще гроши, потому как был рвачом* (Астафьев 1997е: 103). Мотив возмездия также имеет глубокие античные корни. И Васютка, и Амос заблудились в тайге по одной и той же причине: их сбил с пути охотничий азарт. В погоне за добычей (Васютка – за глухарем, а Амос – за раненой маралухой) они теряют осторожность и перестают следить за ориентирами. Если для Васютки все заканчивается благополучно, то Амос (более опытный и сильный, но виноватый перед природой) погибает.

10. Нужно любить тайгу и реку: *Скажи ты мне, пожалуйста, хороший человек... почему люди, строящие красивую жизнь, не чувствуют природу? А ведь от нее и величие и красота человека истекает. От нее! ... Култыш великой, светлой любовью побратался с тайгой и берег ее... Для него (Култыша) бог – тайга и превыше всего – таежный закон* (Астафьев 1960: 40). *«Хошь верь, хошь нет, притопал я к Анисею, глянул – и всё во мне улеглось».* ... я догадался, что удивление его не кончилось, что невозможно привыкнуть к такой красотище, надивоваться ею (Астафьев 1986: 232).

Закон тайги – основа жизни местных жителей. Тихо умирает Клавдия – героиня повести «Стародуб»: *Стало быть таежный закон существует не для всех... Да нет, видно, на свете таких законов, которые оградил бы человека от бед и напастей. А раз нет таких законов, значит, и счастья человеку нет* (Астафьев 1960: 177).

И хотя человек часто уродует природу, его отношение к ней – грабительское, они связаны неразрывно: *А тайга, особенно северная, без человека совсем сирота* (Астафьев 1997е: 151). *А человеку нет жизни без тайги и реки: Че мы тут без тайги?* (Астафьев 1997е: 84). *Я... уразумел, отчего умирающие старики просили выносить их на волю перед кончиной <...>. Должно быть, хотелось человеку верить, что там, за гробом, во все утишающейся тьме продлится видение родной реки* (Астафьев 1997е: 232).

В экологической прозе есть критическая сторона (экокритика) и позитивная [Зайцева 2015], антропоцентрический и биоцентрический подходы. Для экокритики характерен биоцентрический подход: потребности человечества ценятся не больше, чем потребности других биологических видов, в натурфилософии – критика нравственно ориентирована, антропоцентрична. Русская экологическая проза одновременно и критична (публицистична, политична) и антропоцентрична

(не противопоставляет человека природе и основное внимание уделяет нравственным проблемам). М. Перкиёмяки считает, что позитивная сторона чужда В.П. Астафьеву. Однако с этим можно не согласиться. Идеалом писателя была сибирская крестьянская община. Её образ просматривается в идеализированном мире рыбацкой артели на Боганиде, в устах единственного только положительного героя «Царь-рыбы» бакенщика Павла Егоровича: *Там есть две ямы, и на зиму в них «залегала» красная рыба. Вот прямо как поленья, друг на дружку. Сторожка ставили с ружьём, чтобы никто не пакостил на ямах. Каждой семье перед ледоставом разрешалось сделать два замёта неводом. Два – и шабаш! Но брали рыбу на всю зиму. Сами хозяйничали на реке, сами её блюли, жадюг не жаловали* (Астафьев 1986: 235).

Очевидно, во взаимоотношениях человека и природы можно выделить несколько периодов: 1. Человек осознает себя частью природы. 2. Человек – царь природы, ее покоритель. 3. Человек – покорил природу, он ее охраняет.

Эти этапы развернуты во времени и пространстве. В произведениях В.П. Астафьева представлены все три периода.

Первый характерен для народов Севера: *Наезжие артельщики, по сезонному договору промысляющие рыбу, возле тех же песков или островов паслись, но возьмут двух-трех осетришек, стерляди на варю – и вся добыча. И тогда, переломив стыд и сердце, начинали они притираться своими наплавами к снастям бое...* «Почто так делать? Рыты плавают много. Засем по реке колесишь, засеem снасти путать?» (Астафьев 1986: 123). Первого этапа придерживаются некоторые герои, близкие им по мироощущению, например, Култыш в «Стародубе», Аким в «Царь-рыбе», Павел Егорович – «Туруханская лилия» и нек. др. Очевидно, это отношение к природе наиболее близко писателю. В основу «Таёжного закона» положено такое отношение к природе.

Второй – для значительной части населения Сибири *Реки царь и всей природы царь – на одной ловушке. Караулит их одна и та же мучительная смерть* (внутренняя речь Игнатъича в борьбе с царь-рыбой) [Астафьев 1997: 131]. М. Перкиёмяки говорит о том, что сибиряки «относятся к ней (природе) как к погребу или кладовой в собственном доме». Тайга в произведениях В.П. Астафьева — не только пространство, в котором происходит действие, она герой-протагонист. Человек по отношению к ней часто выступает как антагонист – это браконьер.

Почему так сложилось? В какой-то мере в силу региональных особенностей края. Сибирская тайга – это не лес, близкий к культурному парку. Родина В.П. Астафьева – Приенисейская Сибирь, Красноярский край. Действие большинства его экологических произведений проходит в Красноярском крае. Красноярский край – второй по площади субъект Российской Федерации, занимает 2366,8 тыс. кв. км (1/7 часть России). Численность населения Красноярского края составляет менее 3 млн. человек. Плотность населения – 1,21 чел. на кв. км. при 8,7 по России в целом. Городское население составляет 77 %. Около 80 % населения края живут к югу от Ангары – на одной десятой территории края. Протяженность края с севера на юг без малого 3000 километров. Площадь лесного фонда края составляет 168,1 млн. га (69 % территории), и это тайга. В крае много зверей, часто это хищники (Красноярский край. Официальный портал <http://www.krskstate.ru/about>). В условиях Сибири человек часто должен бороться за выживание, за свою жизнь.

Русских переселяли в Сибирь для её освоения. В Сибири не было крепостного права, ограничена была частная собственность на землю. Сибирский крестьянин жил с твёрдой уверенностью, что всё добытое им, разработанное принадлежит ему. Охота и рыболовство – основное традиционное занятие местного населения. Поэтому отношение к местным браконьерам снисходительное. Но есть браконьеры и браконьеры...

Писатель гневно клеймит браконьеров: *Три вот этих разбойника ещё недавно были нормальными рабочими парнями <...>. Бензопилой они сведут сотни гектаров кедрачей. За один только сезон три добрых молодца вырывают из тайги дани на многие тысячи рублей, живут размашисто, разбойничают открыто* (Астафьев 1986: 245–246). В ещё большей степени вред

природе наносят не браконьеры, а и сегодня работающая программа «освоения» Сибири. Но нам только кажется, что мы преобразовали все, и тайгу тоже. Нет, мы лишь ранили ее, повредили, истоптали, исцарапали, ожгли огнем. Но страху, смятенности своей не смогли ей передать, не привили и враждебности, как ни старались. Тайга все так же величественна, торжественна, невозмутима. Мы внушаем себе, будто управляем природой и что пожелаем, то и сделаем с нею. Но обман этот удастся до тех пор, пока не останешься с тайгой с глазу на глаз, пока не побудеешь в ней и не оврачуешься ею, тогда только вонмешь ее могуществу, почувствуешь ее космическую пространственность и величие (Астафьев 1986: 52).

Третий период представлен, в сущности, только позицией автора: *Надо сказать, что жизнь зверя, в частности лося, по сравнению с тридцатым годом в здешних краях совсем не изменилась. На Калужском или Рязанском шоссе добродушная зверина могла себе позволить шляться, норовя забодать «Запорожца» или другую какую машину, либо являться в населенные пункты и творить там беспорядки, на радость детям и местным газетчикам, которые тут же отобразят происшествие, живописуя, как домохозяйка Пистимея Агафоновна метлой прогоняла со двора лесного великана, норовившего слопать корм ее личной козы* (Астафьев 1997а: 296).

Сибирский текст... В работах, посвящённых рассмотрению его элементов в произведениях В.П. Астафьева (прежде всего, А.И. Разуваловой [Разувалова 2010: 201–224] и др. статьи автора) говорится о сотериологической (направленной на искупление, спасение души) семантике, связанной с лиминальной (переломной в жизни человека) мифологемой севера; об изображении пространства Сибири как социально поражённого, в котором «возможны и гибель, и спасение» и т. д. Но при этом нет опоры на понятие «таёжного закона». Но очевидно, что «таёжный закон» является важной составляющей «сибирского текста».

«Закон тайги» как лексическая единица имеет значение: ‘свод правил поведения в таёжных условиях’. Но это особый знак – форматор или знак логический (противопоставлен десигнаторам), который задаётся перечислением [Вайнрайх 1970: 172] (см. выше 10 его составляющих). Мы рассматриваем его как понятие («Целостную совокупность суждений, т.е. мыслей, в которых что-либо утверждается об отличительных признаках исследуемого объекта, ядром которой являются суждения о наиболее общих и в то же время существенных признаках этого объекта» [Кондаков 1971: 393]). Составляющие его семантики показаны в текстах писателя (см. выше).

Закон тайги – «неписанный закон» [Астафьев 1997д: 170]. Он передаётся из уст в уста, от поколения к поколению. Поэтому как лексическая единица имеет ряд особенностей, роднящих его с фольклоризмами. «Лексика фольклора только в ряде случаев имеет формальные показатели, выделяющие ее среди диалектной или общерусской лексики... Описание и лингвистический анализ произведений фольклора в настоящее время вышли на качественно новый уровень, что, естественно, требует и новых методов и подходов. Ярусный анализ произведений фольклора выводит на первый план лексику, что в свою очередь требует изучения различных ее сторон, в том числе и региональной специфики, семантического варьирования и т. п.» [Мызников 2018: 202]. В текстах В.П. Астафьева эта номинация вариативна: «закон тайги» и «таёжный закон». Объём её в значительной степени неопределён: в произведениях писателя он представлен как эксплицитно, так и имплицитно через составляющие её (номинации) семантики.

В номинации существенна его пространственно определяющая часть – «тайга». В СТСРЯ это слово имеет расширенную семантику: ‘Полоса диких труднопроходимых хвойных лесов, занимающая громадное пространство на севере Европы, Азии и Северной Америки’ [СТСРЯ 2004]. Хотя любой русский скажет, что тайга – это символ Сибири. Ассоциативный фон словосочетания «таёжный закон» – суровый, требовательный. В текстах место «таёжного закона» различно: от упоминания до использования в сюжетобразующей функции в повести «Стародуб», где основные две линии «природа» и «вера» пересекаются. Прямые конфликты произведения строятся на линии «природа»: Фаефан – Никон (Амос), Култыш – Никон (Амос), даже Култыш – Клавдия (частично из-за любви к природе Култыш теряет любимую: ждёт, когда расцветут

таёжные цветы стародубы и – попадает на свадьбу; Клавдия «винит» невинного Култыша в нарушении таёжного закона), Култыш – и жители деревни Вырубы.

«Закон тайги» имеет аксиологическую природу, связан с категорией оценочности. Два аспекта при этом определяющие: прагматический и нравственно-этический. Закон включает в себя **отношение человека к человеку в условиях таежного существования и отношение человека к флоре и фауне.**

Закон построен на системе запретов, прямых или скрытых. Ю.М. Лотман писал: «С чего начинается культура? **Исторически – с ограничений**» [Лотман 2002: 5]. **«Конечно, чем дальше, тем культура требует больших отказов, больших стеснений, она облагораживает чувства и превращает просто человека в интеллигентного человека»** [Лотман 2009: 563]. В современной переработке это звучит как крылатое выражение: «культура начинается с запретов». **Таёжный закон – это основа народной экологической культуры.**

Понятие народной экологии в современной литературе связывается со спецификой, прежде всего, национальной этнографии [Шевелев 2018: 1; Конкка 2014: 320–332] и др. В статье А.П. Конкка приводится классификация традиционных народных запретов карелов, регулирующих поведение человека относительно природных сил [Конкка 2014: 320–332]. В работе А.Г Низамиева (Киргизия) используется термин «народная экология» [Низамиев 2016: 60–62].

Итак, «таёжный закон» – реальное понятие, отмеченное в художественной литературе Сибири и привлекающее внимание литературоведов, но исследователи не обращались к нему, анализируя творчество В.П. Астафьева. В экологической же прозе писателя оно занимает значительное (а в ряде текстов центральное) место как веками сложившийся, передаваемый из поколения в поколение кодекс народной экологии, символ сибирской экологической культуры. «Таёжный закон» – региональное ментальное понятие, которое ждёт своего рассмотрения в рамках определения «сибирского текста».

Как лексическая единица «закон тайги» относится к экологической лексике (экословам). Это знак-форматор, семантический объём которого задаётся перечислением и для которого характерна не только дефиниция. Это «неписанный» закон, он существует в устной форме, поэтому имеет общие черты с фольклоризмами. В произведениях писателя номинация представлена в двух вариантах: «закон тайги» и «таёжный закон»; имеет неопределённый семантический объём, эмоционально-экспрессивно окрашена. В структуре номинации важна пространственная составляющая – «тайга». Это аксиологическое понятие, в структуре своей несущее ряд прямых и скрытых запретов. В художественных произведениях создаёт напряжённость текста, организуя конфликты как межличностные, так и социальные. В некоторых текстах выполняет сюжетообразующую функцию.

Литература

Абдуллина Г.Р., Нурушева Д.А. Отражение экологической лексики в произведениях башкирских писателей [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 3106–3110. URL: <http://e-koncept.ru/2015/85622.htm> (дата обращения: 19.02.2018).

Астафьев В.П. Стародуб // Стародуб: сб. рассказов. Повесть «Стародуб». Пермь: Перм. кн. из-во, 1960. С. 169–178.

Астафьев В.П. Царь-рыба: повествование в рассказах. Петрозаводск: Карелия, 1986. 367 с.

Астафьев В.П. Васюткино озеро // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 1: Рассказы. Тают снега: роман. Красноярск: Офсет, 1997 а. С. 128–152.

Астафьев В.П. Комментарии // Собрание сочинений в 15 т. Т. 5. Последний поклон: Повесть в рассказах. Кн. 3. Красноярск: Офсет, 1997б. С.377–380.

Астафьев В.П. Подводя итоги // Собрание сочинений в 15 т. Т. 1.: Рассказы. Тают снега: роман. Красноярск: Офсет, 1997в. С. 5–65.

Астафьев В.П. Сон о белых горах // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Красноярск: Офсет, 1997г. С. 312–415.

Астафьев В.П. Стародуб // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 2: Повести. Красноярск: Офсет, 1997д. С. 109–181.

Астафьев В.П. Царь-рыба // Собрание сочинений: в 15 т. Т. 6. Красноярск: Офсет, 1997е. С. 175–196.

Башкова И.В. Лингвокультурный типаж «турист» в авторской картине мира В.П. Астафьева [Электронный ресурс] // Экология и коммуникативная практика. 2014. №2. С. 179–194. URL: <http://ecoling/sfu-kras.ru/wpcontent/uploads/2014/09/Bashkova-I.V.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).

Вайнрайх У. О семантической структуре языка // Новое в лингвистике. Вып. V: Языковые универсалии. М.: Прогресс, 1970. С. 163–249.

Все произведения В.П. Астафьева. Первый период творчества (1951–1969): энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л.Г. Самотик (глав. ред.), Т.Н. Садыриной; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2018. 427 с.

Забияко А.А. «Здесь доминировал "закон тайги"»: образ Маньчжурии начала XX в. в художественном сознании дальневосточных писателей (Н. Байков и П. Шкуркин) // Ментальность дальневосточного фронта: Культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. С. 21–57.

Зайцева А.В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ [Электронный ресурс]: дис. канд. филол. наук. Смоленск, 2015. URL: <http://cheloveknauka.com/tipologiya-tekstov-ekologicheskogo-diskursa-frg#ixzz5dohlxFIc> (дата обращения: 17.09.2018).

Кондаков Н.И. Логический словарь. М.: Наука, 1971. 656 с.

Конкка А.П. Грехи и запреты в повседневном и обрядовом поведении как часть традиционной картины мира у карелов // Культура повседневности карельской семьи (конец XIX–первая треть XX в.) / Карельский научный центр Российской академии наук. Петрозаводск, 2014. С. 320–332

Лотман Ю.М. Культура и интеллигентность: цикл лекций [Электронный ресурс] / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер и др. М.: Аст, Астрель, 2009. URL: <http://vikent.ru/enc/2955/> (дата обращения: 14.04.2015).

Лотман Ю.Н. Искусство дает опыт неслучившегося [Электронный ресурс] // Новая газета. 2002. С.5. URL: <http://vikent.ru/autor/788/> (дата обращения: 14.04.2015).

Марков Г.М.. Строговы. Кн. 1 (1936–1948) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 29.11.2018).

Мызников С.А. Лексика фольклора в «Словаре русских народных говоров»: теоретическая база и лексикографическая практика [Электронный ресурс] // Исследования по славянской диалектологии / Институт славяноведения РАН. М.: Наука, 2018. № 19–20: Славянские диалекты в современной ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов. С. 202–212. URL: inslav.ru/sites/default/files/myznikov2.pdf (дата обращения: 12.11.2018).

Назаров В., Можаяев Б. Хозяин тайги, к/ф (1968) [Электронный ресурс] // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 29.11.2018).

Низамиев А.Г. Основа современной экологической культуры – народная экология // Известия ВУЗов Кыргызстана. 2016. № 11-1. С. 60–62.

Перкиемьяки М. Река как главная экологическая метафора в «Царь-рыбе» В. Астафьева // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI века: монография / отв. ред. Н.В. Ковтун. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015. Вып. IV. С. 277–297.

Петушкова Е.В. Экологические проблемы в отечественной публицистике второй половины XX века (С. Залыгин, В. Астафьев, В. Распутин): дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2004. 174 с.

Разувалова А.И. «Сибирский текст» в прозе В.П. Астафьева: (к постановке проблемы) // Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К.В. Анисимов. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2010. С. 201–224.

Самотик Л.Г. Две рыбы, два рыбака (на материале «Царь-рыбы» В.П. Астафьева) [Электронный ресурс] // Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. / отв. и науч. ред. Б.Я. Шарифуллин.. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017а. Вып. 8 (17). 373 с. С. 73–79. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/480767801> (дата обращения: 21.11.2017).

Самотик Л.Г. Кто есть браконьер? (региональный аспект "Царь-рыбы" В.П. Астафьева) // Вестник КГПУ. 2017б. № 2. С. 201–207.

Самотик Л.Г. Национальное самосознание и образ "чужого" в художественной литературе // Слова и словари: сборник научных статей, посвященный профессору Валентине Даниловне Черняк / Отв. ред. В.А. Ефремов. СПб: Своё издательство, 2015. С. 239–245.

Современный толковый словарь русского языка / Автор проекта и главный редактор С.А. Кузнецов. М.: Ридерз дайджест, 2004. 960 с.

Солоневич И.Л. Две силы (1953) // Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения: 29.11.2018).

Творчество В.П.Астафьева как воплощение национального и регионального самосознания / под ред. Л.Г. Самотик (отв. ред.) и Т.Н. Садыриной; Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2016. 314 с.

Целиков В.А. Об одном принципе классического искусства и его значении для искусства современного // Проблема единства наследия / отв. ред. В.А. Целиков. М.: АН СССР: Ин-т философии, 1988. С. 80–91.

Чвягина Т.В. Экологическая лексика русского языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: филология, журналистика. 2017. № 2 С. 71–73.

Чусовой литературный / сост. А.М. Кардапольцева, В.Н. Маслянка. СПб.: Маматов, 2013. 352 с.

Шевелев Н.Н. Экологические представления в культуре народов России (доиндустриальный период развития) // Дневник науки. 2018. № 3 (15). С. 1–14.

Шленская Г.М. Повесть и рассказ (И.М. Лавров, В.М. Шукшин, В.В. Липатов, В.П. Астафьев, В.Г. Распутин) // Очерки русской литературы Сибири: в 2 т. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 2. С. 497–543.

Штильмарк Ф.Р. Эволюция представлений об охране природы в советской литературе // Гуманитарный экологический журнал. 1999. Т.1. Вып. 2. С. 25–27. URL: http://oopt.info/_publications/shtilmark_evolution.html (дата обращения: 19.10.2018).

Юрьева Е.А. Закон тайги и закон жизни в "тунгусских рассказах" И. Гольдберга // Вестник Бурятского государственного университета. 2007. № 7. С. 171–177.

References

Abdullina G.R., Nurusheva D.A. Otrazheniye ekologicheskoy leksiki v proizvedeniyakh bashkirskikh pisateley [Reflection of ecological vocabulary in the works of Bashkir writers]. *Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal «Kontsept»*, 2015, vol. 13, pp. 3106–3110. Available at: <http://e-koncept.ru/2015/85622.htm> [accessed 19.02.2018].

Astaf'yev V.P. Starodub [Starodub]. *Starodub: sb. rasskazov. Povest' «Starodub»* [Starodub: collection of short stories. The Story "Starodub"], Perm', Perm. kn. Publ., 1960, pp. 169–178.

Astaf'yev V.P. TSar'-ryba: povestvovaniye v rasskazakh [The fish king: a story in the stories]. Perrozavodsk, Kareliya Publ., 1986. 367 p.

Astaf'yev V.P. Vasyutkino ozero [Vasyutkino lake]. *Sobraniye sochineniy: v 15 t. T. 1: Rasskazy. Tayut snega: roman* [Collected works: in 15 t. 1: Stories. Melting snow: a novel], Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997 a, pp. 128–152.

Astaf'ev V.P. Kommentarii [Comment]. *Sobraniye sochineniy v 15 t. T. 5. Posledniy poklon: Povest' v rasskazakh* [Collected works in 15 T. 5. Last bow: a Novel in stories. kn. 3.], Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997 b, pp. 377–380.

Astaf'ev V.P. Podvodya itogi [Summing up]. *Sobraniye sochineniy v 15 t. . 1.: Rasskazy. Tayut snega: roman* [Collected works in 15 T. T. 1.: Stories. Melting snow: a novel], Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997v, pp. 5–65.

Astaf'ev V.P. Son o belykh gorakh [A dream about the white mountains]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: v 15 t. T. 6., Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997g, pp. 312–415.

Astaf'ev V.P. Starodub [Starodub]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: v 15 t. T 2: Povesti., Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997d, pp. 109–181.

Astaf'ev V.P. TSar'-ryba [Tsar-fish]. *Sobraniye sochineniy* [Collected works]: v 15 t. T. 6. Krasnoyarsk, Ofset Publ., 1997e, pp. 175–196.

Bashkova I.V. Lingvokul'turnyy tipazh «turist» v avtorskoy kartine mira V.P. Astaf'yeva [Linguo-cultural type "tourist" in the author's picture of the world of V. P. Astafyev]. *Ekologiya i kommunikativnaya praktika: setevoye izdaniye*, 2014, no 2, pp 179–194. Available at: <http://ecoling/sfu-kras.ru/wpcontent/uploads/2014/09/Bashkova-I.V.pdf> [accessed 12.02.2018].

Vaynraykh U.O semanticheskoy strukture yazyka [On the semantic structure of language]. *Novoye v lingvistike. Vyp. V: Yazykovyye universalii* [New in linguistics. Vol. V: language universals], Moscow, Progress Publ., 1970, pp. 163–249.

Vse proizvedeniya V.P. Astaf'yeva. Pervyy period tvorchestva (1951–1969) [All the works of V. P. Astafiev. The first period of creativity (1951–1969)]: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik / pod red. L.G. Samotik (glav. red.), T.N. Sadyrinoy; Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'yeva, Krasnoyarsk, 2018. 427 p.

Zabiyako A.A. «Zdes' dominiroval "zakon taygi"»: obraz Man'chzhurii nachala XX v. v khudozhestvennom soznanii dal'nevostochnykh pisateley (N. Baykov i P. SHkurkin) [Here was dominated by the "law of the taiga": images of Manchuria in the beginning of XX century in the artistic consciousness of the far Eastern writers (N. Baikov and P. Shkurkin)]. *Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: Kul'tura i literatura russkogo KHarbina* [Mentality of the far Eastern frontier: Culture and literature of Russian Harbin], Novosibirsk, 2016, pp. 21–57.

Zaytseva A.V. Tipologiya tekstov ekologicheskogo diskursa FRG. Philology Dr. Diss. Smolensk, 2015. Available at: <http://cheloveknauka.com/tipologiya-tekstov-ekologicheskogo-diskursa-frg#ixzz5dohlxFlc> [accessed 17.09.2018].

Kondakov N.I. Logicheskiy slovar' [Logical dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 1971. 656 p.

Konkka A.P. Grekhi i zaprety v povsednevnom i obryadovom povedenii kak chast' traditsionnoy kartiny mira u karelov [Sins and prohibitions in everyday and ritual behavior as part of the traditional worldview of the Karelians]. *Kul'tura povsednevnosti karel'skoy sem'i (konets XIX – pervaya tret' XX v.)* [Culture of everyday Karelian family (late XIX – first third of XX century)] / Karel'skiy nauchnyy tsentr Rossiyskoy akademii nauk, Petrozavodsk, 2014. pp. 320–332.

Lotman YU.M. Kul'tura i intelligentnost': tsikl lektsiy [Culture and intelligence: a series of lectures.] / pod red. YU.B. Gippenreyter i dr. Moscow, Ast Publ., Astrel' Publ., 2009. Available at: <http://vikent.ru/enc/2955/> [accessed 14.04.2015].

Lotman YU.N. Iskusstvo dayet opyt nesluchivshegosya [Art gives the experience of the non-incident]. *Novaya gazeta*, 2002, pp. 5. Available at: <http://vikent.ru/autor/788/> [accessed 14.04.2015].

Markov G. M. Strogovy. Kn. 1 (1936–1948) [Strict. kN. 1 (1936–1948)]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> [accessed 29.11.2018].

Myznikov S.A. Leksika fol'klora v «Slovare russkikh narodnykh govorov»: teoreticheskaya baza i leksikograficheskaya praktika [Vocabulary of folklore in the "Dictionary of Russian folk dialects": the theoretical base and lexicographical practice]. *Issledovaniya po slavyanskoy dialektologii* [Research on Slavic dialectology] / Institut slavyanovedeniya RAN, Moscow, Nauka Publ., 2018, no 19–20:

Slavyanskiye dialekty v sovremennoy situatsii. Dialektnyy slovar' kak sposob issledovaniya slavyanskikh dialektov, pp. 202–212. Available at: inslav.ru/sites/default/files/myznikov2.pdf [accessed 12.11.2018].

Nazarov V., Mozhayev B. K. Hozyain taygi, k/f (1968) [Master of taiga, K.f (1968)]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of Russian]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> [accessed 29.11.2018].

Nizamiyev A.G. Osnova sovremennoy ekologicheskoy kul'tury – narodnaya ekologiya [The basis of modern ecological culture-national ecology]. *Izvestiya VUZov Kyrgyzstana*, 2016, no 11-1, pp. 60–62.

Perkiyemyaki M. Reka kak glavnyaya ekologicheskaya metafora v «TSar'-rybe» V. Astaf'yeva [The river as the main ecological metaphor in the "King-fish" V. Astafieva]. *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovyye formy XIX–XXI veka* [Siberian identity in the mirror of the literary text: trails, topos, genre forms of the XIX–XXI century]: monografiya / otv. red. N.V. Kovtun, Moscow, FLINTA : Nauka Publ., 2015, Issue IV, pp. 277–297.

Petushkova E.V. Ekologicheskiye problemy v otechestvennoy publitsistike vtoroy poloviny XX veka (S. Zalygin, V. Astaf'yev, V. Rasputin) [Environmental problems in the domestic journalism of the second half of the XX century (S. Zalygin, V. Astafiev, V. Rasputin)]. Philology Cand. Diss. Tver', 2004. 174 p.

Razuvalova A.I. «Sibirskiy tekst» v proze V.P. Astaf'yeva: (k postanovke problemy) ["Sibirskiy text" in prose V. P. Astaf'yeva: (k postanovke problemy)]. *Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve* [Sibirskiy text in natsional'nom syuzhetnom prostranstve]: kollektivnaya monografiya / otv. red. K.V. Anisimov, Krasnoyarsk, Sib. federal. un-t Publ., 2010, pp. 201–224.

Samotik L.G. Dve ryby, dva rybaka (na materiale «TSar'-ryby» V.P. Astaf'yeva) [Two fish, two fishermen (on the material "king-fish" VP Astafieva)]. *CHelovek i yazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in the communicative space]: sb. nauch. st. / otv. i nauch. red. B. YA. SHarifullin . Krasnoyarsk, Sib. federal. un-t Publ., 2017a, Issue 8 (17), pp. 73–79. Available at: <https://docviewer.yandex.ru/view/480767801> [accessed 21.11.2017].

Samotik L.G. Kto est' brakon'yer? (regional'nyy aspekt "TSar'-ryby" V.P. Astaf'yeva) [Who is the poacher? (regional aspect "King-fish" of V. P. Astafiev)]. *Vestnik KGPU*, 2017b, no 2, pp. 201–207.

Samotik L.G. Natsional'noye samosoznaniye i obraz "chuzhogo" v khudozhestvennoy literature [National consciousness and the image of the "stranger" in fiction]. *Slova i slovari: sbornik nauchnykh statey, posvyashchënnyy professoru Valentine Danilovne CHernyak* [Words and dictionaries: collection of scientific articles dedicated to Professor Valentina Danilovna Chernyak] / Otv. red V.A. Efremov, SPb., Svoyë Publ., 2015, pp. 239–245.

Sovremennyy tolkovyy slovar' russkogo yazyka [Modern explanatory dictionary of the Russian language] / Avtor proyekta i glavnyy redaktor S.A. Kuznetsov. Moscow, Riderz daydzhest Publ., 2004, 960 p.

Solonevich I.L. Dve sily (1953) [Two forces (1953)]. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> [accessed 29.11.2018].

Tvorchestvo V.P. Astaf'yeva kak voploshcheniye natsional'nogo i regional'nogo samosoznaniya [The work of V. P. Astafyev as the embodiment of national and regional identity] / Pod red. L.G. Samotik (otv. red.) i T.N. Sadyrinoy; Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'yeva, Krasnoyarsk, 2016. 314 p.

TSelikov V.A. Ob odnom printsipe klassicheskogo iskusstva i ego znachenii dlya iskusstva sovremennogo [On one principle of classical art and its significance for contemporary art]. *Problema edinstva naslediya* [The problem of the unity of heritage] /otv. red. V.A. TSelikov, Moscow, AN SSSR: In-t filosofii Publ., 1988, pp. 80–91.

CHvyagina T.V. Ekologicheskaya leksika russkogo yazyka [Ecological vocabulary of the Russian language]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. seriya: filologiya, zhurnalistika*, 2017, no 2, pp. 71–73.

CHusovoy literaturnyy [Chusovoy literary] / sost. A.M. Kardapol'tseva, V.N. Maslyanka. SPb., Mamatov Publ., 2013. 352 p.

SHevelev N.N. Ekologicheskiye predstavleniya v kul'ture narodov Rossii (doindustrial'nyy period razvitiya) [Ecological representations in the culture of the peoples of Russia (pre-industrial period of development)]. *Dnevnik nauki*, 2018, no 3 (15), pp. 1–14.

SHlenskaya G.M. Povest' i rasskaz (I.M. Lavrov, V.M. SHukshin, V.V. Lipatov, V.P. Astaf'yev, V.G. Rasputin) [The story and the story (I.M. Lavrov, V.M. Shukshin, V.V. Lipatov, V.P. Astafiev, Valentin Rasputin)]. *Ocherki russkoy literatury Sibiri* [Essays on Russian literature of Siberia]: v 2 t., Novosibirsk, Nauka Publ., 1982, vol. 2, pp. 497–543.

SHtil'mark F.R. Evolyutsiya predstavleniy ob okhrane prirody v sovetskoj literature [Evolution of ideas about nature protection in the Soviet literature]. *Gumanitarnyy ekologicheskiy zhurnal*, 1999, vol.1, Issue 2, pp. 25–27. Available at: http://oopt.info/_publications/shtilmark_evolution.html [accessed 19.10.2018].

YUr'yeva E.A. Zakon taygi i zakon zhizni v "tungusskikh rasskazakh" I. Gol'dberga [Taiga law and the law of life in "Tunguska stories" by I. Goldberg]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no 7, pp. 171–177.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Самотик Людмила Григорьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания

Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева

Россия, 660049, г. Красноярск, Ул. А. Лебедевой, д.89 4.

E-mail: kspu@kspu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Samotik Lyudmila Grigorievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Methods of Teaching

Krasnoyarsk State Pedagogical University. V.P. Astafieva

d.89 4, str. A. Lebedeva, Krasnoyarsk 660049 Russia

E-mail: kspu@kspu.ru